

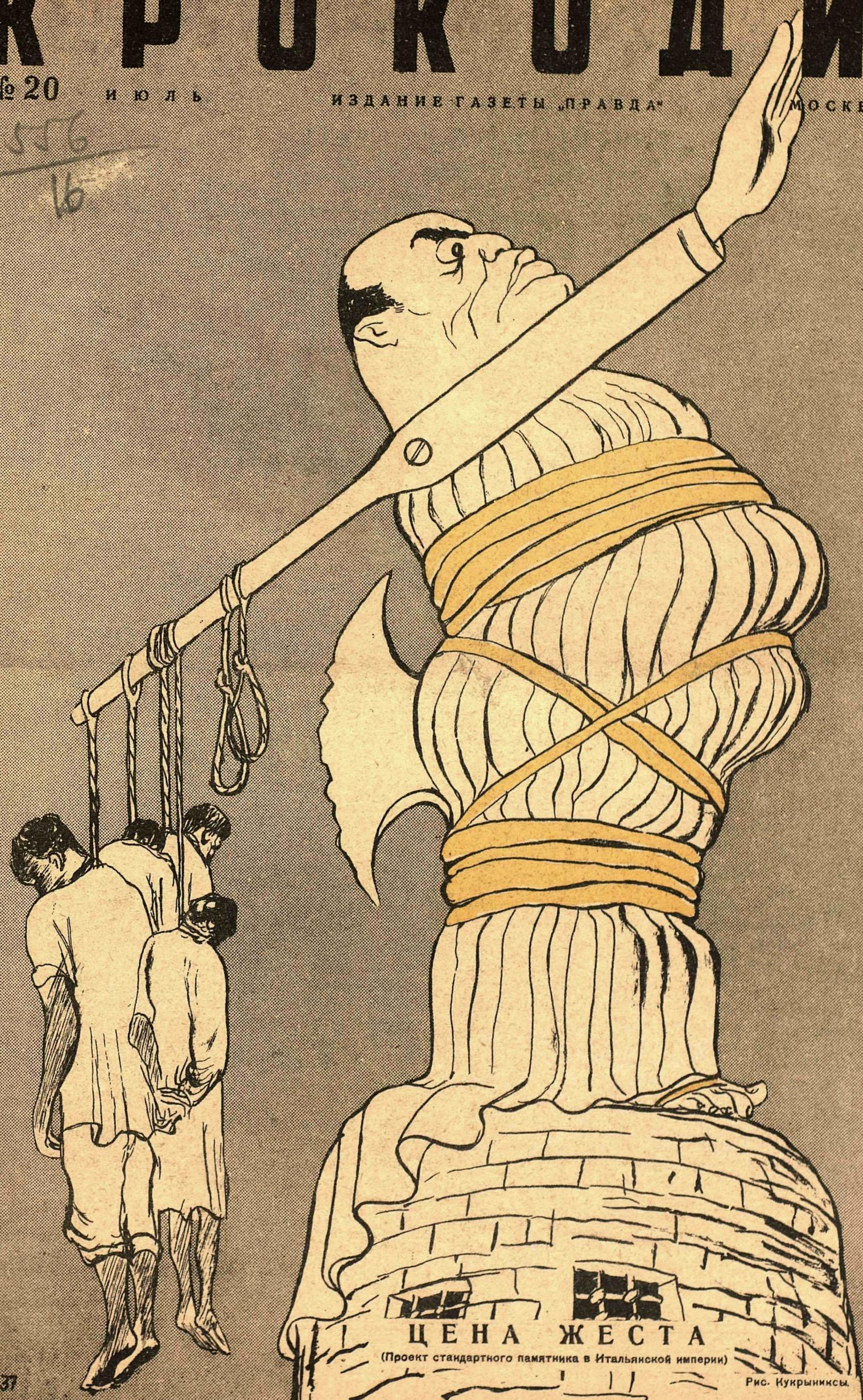
КРОКОДИЛ

№ 20 ИЮЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

2556
16

ЦЕНА ЖЕСТА

(Проект стандартного памятника в Итальянской империи)

Рис. Нукрынскы.

НАПАДЕНИЕ НА ОМСКИЙ АЭРОКЛУБ

Теоретикам уголовного права, ученым, тщательно систематизирующим тончайшие нюансы уголовных специальностей, и особенно тем из них, кто посвятил свои силы изучению ужасающей гаммы вооруженных налетов, есть над чем призадуматься в свете некоторых последних бандитских новинок.

Мы вынуждены при этом разочаровать любителей дипломатических инсказаний. Речь идет, в данном случае, отнюдь не об итало-германской интервенции в Испании и не о японском разбое в Северном Китае. Речь идет о значительно менее известном преступлении, имевшем место в городе Омске, на Подгорной улице, в ночь с 28 на 29 июня. Примерно, около трех часов ночи двое молодых людей, вооруженных ножами, форсировали территорию сторожки аэроклуба. Оглашая помещение воинственными криками, неизвестные молодые люди напали на и. о. сторожа, немолодого уже гражданина Торопова, связали его крепко-накрепко веревками и, разгромив его небогатые пожитки, переключились засим на гараж, из коего и угнали в неизвестном направлении легковую машину.

В этот же час другая группа налетчиков, состоявшая из четырех человек, напала на сторожей, охранявших аэродром и находившиеся на нем самолеты. Отдадим должное участникам нападения. Они не подвергли стариков-сторожей мучительной пытке водой, они не поджаривали их пятки на медленном огне, не прижимали к их вискам противные холодные дула револьверов. Чинно и благородно связали они стариков и, очевидно, в рассуждении бескорыстной любви к тишине, запихали своим жертвам в рот самодельные кляпы из носовых платков и тряпочек более или менее сомнительной чистоты.

При этом сторожа податливого характера почти что и не пострадали вовсе. Их только маленько помяли. Ну и, конечно, — перепуг. Зато 55-летний Жуков, неожиданно оказавшийся непокорного нрава, за строптивость свою не в малой степени пострадал. Стиснув зубы, он всячески пытался воспрепятствовать введению в свою полость рта кляпа, что, конечно, не могло остановить омских тружеников налета. Справедливо возмущаясь обидным упорством Жукова, они разжали ему зубы перочинным ножом, выбив при этом два зуба и порядком изрезав десны, но своего добились.

На розыски неизвестных налетчиков был поднят уголовный розыск Омска. Во все стороны помчались уполномоченные для розыска похищенной автомашины, для немедленного задержания участников этого мокрого дела. Поиски были безуспешны и, бог весть, сколько бы продолжались, если бы налетчики не заявили вдруг сами в милицию.

Не надо только думать, что это была, ставшая уже последнее время тривиальной, явка преступников с повинной. Они не явились к представителям власти с полным сознанием своей вины и с глазами, опущенными вниз. Они явились с гордо поднятыми головами, ожидая аплодисментов и одобрения, в сладком предвкушении благодарности и поощрений.

Охотно и весело назвали они свои фамилии — пять рядовых налетчиков: Коробейников, Гладышев, Галибин, Нальгачев и Кириллов и их атаман — Логачев. Не сочли они нужным скрывать и целей своего вооруженного налета. Подробно изложив их, налетчики были отпущены с миром по домам, где их ждал заслуженный отдых после ночных трудов.

Не скроем, нам больше понравилось, если бы им предоставили этот отдых на государственный счет в Омской тюрьме. Но, поскольку пока что участники нападения на омский аэро-

дром свободно расхаживают по городу, нам бы очень хотелось присутствовать на судебном процессе, которому невредно было бы состояться над всеми участниками этой уголовной истории. И мы предвкушаем речь государственного обвинителя на этом процессе, если этому процессу суждено все-таки состояться.

«Граждане судьи, — скажет прокурор, — и граждане народные заседатели! Вам предстоит сегодня вынести решение по случаю, выходящему за пределы обычной уголовной практики. Правда, имеются в уголовном кодексе совершенно определенные статьи, предусматривающие наказание за ночные вооруженные нападения на мирных граждан, тем более во время исполнения последними своих служебных обязанностей. Эти же статьи предусматривают более суровый приговор за нанесение во время налета увечий. Точно так же сурово карается нашим законодательством и хищение социалистической собственности — в данном случае легковой автомашины. Отнюдь не в пользу подсудимых говорит и тот факт, что они, связав сторожей аэроклуба, тем самым лишили на определенный промежуток времени как управление аэроклуба, так и аэродром и находящиеся на нем самолеты необходимой охраны.

Все же, граждане судьи и граждане народные заседатели, я вынужден предъявить подсудимым обвинение не только в этих, достаточно тяжелых самих по себе преступлениях. Я считаю своим прямым революционным долгом обвинить подсудимых в тягчайшем преступлении — неслыханном дискредитировании священного принципа революционной бдительности. Ибо, как это ни кажется чудовищным в первую минуту, все перечисленные выше и известные вам из обвинительного заключения преступные действия были совершены подсудимыми якобы во имя революционной бдительности. Именно во имя ее они надругались над обеспеченной нашей Сталинской Конституцией неприкосновенностью личности — в данном случае над неприкосновенностью сторожей аэроклуба. Якобы во имя бдительности искалечили они старика-сторожа Жукова, разгромили имущество, принадлежащее лично сторожу Торопову и оставили без всякой охраны аэродром.

В самом деле, вспомним показания самих подсудимых. Подсудимый Логачев (до заключения под стражу бывший начальником парашютной станции аэроклуба), получив накануне налета предписание начальника аэроклуба гр. Измаденова проверить в ночь на 29 июня посты аэроклуба, собрал выделенных ему в помощь пятерых курсантов-парашютистов, также сидящих сейчас на скамье подсудимых. Трудно, очень трудно нормальному советскому гражданину проследить тот извилистый умственный процесс, который привел подсудимого Логачева к его неслыханному в советских условиях способу проверки постов Омского аэродрома. Можно, однако, без всякой опасности преувеличения констатировать, что лучшего способа дискредитации самого принципа революционной бдительности, чем это придумал Логачев со своими помощниками, не изобрел бы и самый изощренный классовый враг.

Настаивая на строжайшем наказании всех шести обвиняемых, я прошу одновременно суд вынести частное определение относительно явной недостаточности и неудовлетворительности постановления охраны и подбора кадров охраны Омского аэродрома...»

Так должен, по нашему мнению, сказать прокурор на судебном процессе, который пока что, к сожалению, как будто не предвидится.

ЛАГИН

ЭСТРАДНАЯ АРИФМЕТИКА

Рис. М. Черемных

— Ну, хорошо! Половину нашего сбора отняла дождливая погода. А где вторая половина?
— Надо же учесть и качество программы.

О П О З Д А Н И Е

Развернув газету, он побледнел, а потом прошептал:

— Что они делают?! И что только они делают?! Эту заметку я им послал полгода назад, в марте, а они в августе напечатали. Уж давно сев прошел, хлеб убрали... А они о плохой подготовке к севу. Срам какой!..

Через день он ругался с редактором. Редактор успокаивал:

— Не стоит волноваться, товарищ Корзинкин. Действительно опоздали на полгода. Да ведь знаете, Гоголя и то не сразу печатали. А вы ведь все-таки Корзинкин, а не Гоголь. И потом заметка говорит о плохой подготовке к севу. Ну, хорошо. Ведь теперь у нас в районе с озимым севом неважно? Неважно. Ну, вот и хорошо... Вот и заметка кстати. А вообще, дорогой, старайтесь вроде Верна Жюля быть. Вперед глядите. А у нас и на год задержаться может...

В. ТЮБОЛЯКОВ

УРОЖАЙ

Иван Антропов, вздорный, ленивый и не всегда трезвый гражданин села Мурашки, шел по полю и дивился: «Экая несусветная пшеница! Ну и ну!..»

Он не был на этом поле с тех пор, как колхозники бороновали озимь. Вместе с ними бороновал тогда и Антропов, но делал он это так нескладно и растяписто, что бригадир забраковал всю его работу и доложил об этом бригаде. На бригадном совещании Антропова срамили в пятьдесят голосов; старик Кудейкин обозвал его «уклонистом». Антропов, сорвав с себя шапку и, как бомбу, бросив на пол, тонким голосом воскликнул:

— Сталось, по твоему мнению, я вроде как гад в троцкистском разрезе?! Я?!

Ему пришлось бороновать участок сызнова. По вечерам он ходил от завалины

...— Сталось, по твоему мнению, я вроде как гад в троцкистском разрезе?!

к завалине, где сидели деды, бабки, и шумел:

— В прежнее время и слышать не слышали, чтобы по зеленым боронить. А урожаем собирали — дай бог! Нажрались этих книжек да лекций, вот и пошло в голове кручение. Нынче—озимь боронуй, а завтра скажут коров да кобыл надо маком кормить. Маком, а то перцем. А что! Я вон в мирное время в Саратове одного ученого человека знал, так он кобеля сладким вареньем кормил и по-матерному лаять обучил. Гусак у него был, так он и гусака по-матерному гоготать обучил. Все от большого ума!

С тех пор Антропов ни разу не был на пшеничном поле. На улице он то и дело слышал восхищенные речи: «Ну, и хлеба! Из годов вон! Туча тучей, леса дремучие...»

Антропов говорил на это поучающе:

— Свистеть будем, когда отмолотимся. А покуда бабка надвое сгадала: либо с хлебом либо нет.

Теперь он шагал по проселку и диву давался: «Ведь и год-то не больно задачливый, а в хлебах и жеребец завязнет. Ну и ну!»

Сорвал колос, растер — в колосе шестьдесят восемь зерен, и каждое зерно чуть не с муху.

Вспомнил, как бороновал озимь и как Анисья, жена, ходила зимой ставить соломенные плетни, щиты, кули, чтобы задержать на полях снег. А в мае колхозницы дважды пропололи пшеницу, просо и рожь — в те недели Анисья оставалась ночевать в поле. Антропов считал снегозадержание и прополку хлебов делом зряшным, сущими пустяками и ругал Анисью за то, что она пропадает на участке, а топить печь, варить щи, кашу приходится ему самому. Однако, увидев сейчас восхитительные хлеба, вслух проговорил: «То-то!»

И ему уже казалось, что не только Анисья, но и он сам вложил в эту землю прорву труда и забот.

Спустился со взгорья, прищурился на свеклу, присел, покопался и вкусно зачмокал:

— У-ух, сила сильная! Ну и ну!

Вспомнил, что замужняя его дочь Матреша подкармливала эти зеленыя фекалиями, золой, птичьим пометом и тоже пропадала на участке неделями. Она знатнейшая в колхозе звеньевая.

Парторг и все активисты, посмеиваясь, говорили Антропову:

— Жена у тебя—работяга, дочь—из стахановок стахановка, а вот ты, Иван Егорыч, работаешь в подавляющем количестве случаев не руками, а горлом. Им бы тебя надо на буксир взять, что ли...

Антропову чрезвычайно не нравились такие разговоры и, встречаясь с Матрешей (она жила с мужем в другой избе), говорил:

— В прежнее время умный бы муж с тебя вожжей не спускал: вожжами бы в ум-разум привел. А то — «фекалии-мекалии». Ты бы сперва не кого-либо, а отца своего спросила: «Можно дерьмом урожаем сделать или нельзя?» Все поле загадили и подолами завертели: «Стахановка, стахановка». Умный бы муж — вожжой да вожжой...

Но теперь, примерившись к свекле («Фу ты, чорт те дери, центнеров чуть не на восемьсот!»), он возгордился и даже приосанился:

— Антроповы знают, как надо сработать!

И ему уже мерещилось, что он никогда не причинял колхозу и своей бригаде ничего худого, а только пахал, сеял, косил и давал всякие полезные советы. Ведь вот, когда Витюков Яков заболел и бригадир сказал Антропову: «Вставай на место Витюкова, а то там земля пересохнет», — то Антропов без большого скандала пошел на тот участок и стал пахать.

«Что же, — думал Антропов, — и от дисциплины я не отказываюсь. Без дисциплины в нашем деле нельзя».

Был полдень. По полям раз'езжались бригадиры и комбайнеры, осматривали, обмеривали участки: завтра начало косьбы.

Антропов пошел в село.

На улицах былолюдно, пестро и шумно, точно в праздник. У кузницы, у инвентарного склада, у правленческого дома, у колодцев толпился народ. Шумели об урожае, о завтрашнем выезде в таборы, о том, сколько потянет в этом году трудодень (выходило чуть не полпуда — потонуть можно в зерне!), и о том, в какой бригаде лучше удались яровизированные посевы...

Мнения часто расходились, однако спорщики говорили друг с другом так приветно и уважительно, как никогда:

— Принцип твой, Максим Павлыч, является правильным, и спорить против этого я не стану, но если взять вопрос

...По вечерам он ходил от завалины к завалине...

под углом урожайности, то тут ты хромаешь на все четыре ноги...

Пробовал вступить в беседу и Антропов, но ничего не выходило.

— Ходил нынче по полю, — начинал

он,—оглядел все, ну, действительно, сработали из годов вон...

Грозил кому-то пальцем:

— А то, вишь, снег им задерживать не надо. Боронить озимя им не охота. И фекалия им, вишь, воняет... Сознание надо иметь, вот чего!..

Его слушали с недоумением; послушав, оглядывали с ног до головы и потом, словно его тут и не было, продолжали свои разговоры.

А Евстигней Дымов, мужик крутой и прямой, выслушав Антропова, рассердился:

— Ты бы, Иван Егорыч, язык-то свой запер бы и перед народом вот так бы стоял (показал, как надо Антропову стоять: голова опущена, руки висят словно неживые). А если язык-то уж очень чешется, то вон колоду полижи (показал на колоду, щербатую, занозистую).

...Пловцы вытаскивают деда.

Антропов шел по улице, слушал разговоры о минувшей весне, о том, как старательно и дружно колхоз обработал зябь, как удобрил землю, как отбирал семена зернышко к зернышку... «Вот от того и урожай такой!..» Антропову досадно стало и тоскливо от того, что ему не о чем рассказать колхозникам, нечем похвастаться перед ними. А хотелось говорить, так говорить и так рассказывать о своей работе, чтобы все слушали с уважением, как слушают сейчас отменных пахарей, бороновальщиков, колхозных семеноводов, химиков и мастериц по свекле.

И Антропова потянуло сделать что-то большое и необыкновенное, например

поймать какого-нибудь бандита, который хотел сломать комбайны. В борьбе с тем бандитом Антропов получил бы, вероятно, небольшие раны, и рубаха и, может быть, лицо были бы в крови, но Антропов скрутил бы бандиту руки, привел бы к народу и сказал бы:

— Комбайны я оборонил и за уборку, граждане, не опасайтесь.

И все удивились бы Антропову, восхитились бы им:

— Вот эт-то да. Эт-то человек!..

Но бандита нет. Антропов присел на завалину к старухам. Те бормотали про неклюдовского попа: какой он степенный, какой боголепный, как голосисто служит... Антропов никогда не ссорился со старухами, потому что они всегда с охотой слушали вздорные его речи, но тут сказал:

— Задарма только хлеб жрет, длинноволосая латифундия. Жульством кормится хряк несчастный.

Старухи заохали, заплевались...

Вдруг что-то случилось: у реки завопили, кто-то махал картузом. Туда бежали колхозники, колхозницы. Побежал и Антропов.

— Ай, ай, ай! — кричали на берегу. — Два ящика с шестеренками, с ножами в воду обронили. Вот беда-то!

Посредине реки стояли в воде, держась за нос опрокинувшейся лодочки, старик Красавцев и однорукый инвалид империалистической войны Антон Пеплов. Не дождавшись колхозной лодки, они решили перевезти ящики с запасными шестеренками и ножами на дощанике (ящики привезли из МТС на машине). А дощаник дыряв и ветх — посреди реки опрокинулся.

— Где ящики-то? — спрашивают с берега.

— Подо мной, — говорит инвалид, держа плечом. — Граждане, оказывайте, по возможности, помощь.

Низкорослый старик Красавцев стоит по горло в воде, лицо у него изумленное, губы то сжимаются, то разжимаются, и с берега не понять: доходят ли его но-

ги до дна, или он висит, держась за дощаник?

Колхозники торопко разуваются, сбрасывают рубахи, штаны, пожарный Цветков принес два багра и тоже разувается. Но всех опережает Антропов: он кидается в воду прямо в штанах, в рубахе и даже пояс не снял. Плавает он плохо и, еле доплыв до середины реки, хватается за дощаник, и на том месте, где только что стоял дед Красавцев, ходят пузыри и круги.

Пловцы вытаскивают деда, он очумело крутит головой, затем доставляют на берег однорукого инвалида и принимаются за ящики.

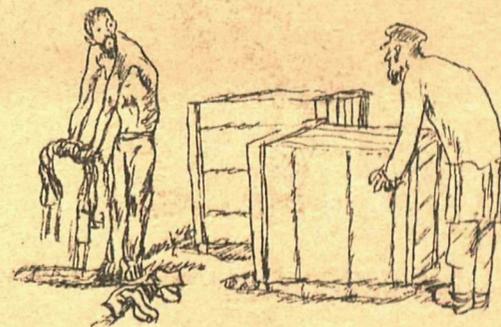
Антропов держится за дощаник и кричит силло:

— Постарайтесь, други, за колхозное имущество!

Когда ящики уже стоят на берегу, измокший Антропов топчется возле них, кричит, распоряжается и все повторяет:

— Главней всего — обтереть каждую шестереночку и легонечку смазать маслом. Чтобы не поржавело. Ни-ни-ни. Упаси, бог.

— Так-то так, Иван Егорыч, — говорит ему Евстигней Дымов, — да ведь сперва надо довести их до склада. А там уже и распаковать.

...Главней всего — обтереть каждую шестереночку...

И в голосе крутого этого человека Антропов улавливает уважение, даже почтительность.

Он выжимает штаны, рубаху, и с лица его, все еще мокрого, не сходит выражение торжества.

АЛ. КОЛОСОВ

ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА

Степан Петрович Пятницын был украшением театра. О Пятницыне все говорили почтительно и с удивлением. Он не был ни актером, ни режиссером, и зрители, наполнявшие ежевечерне театральный зал, даже и не догадывались о его существовании. Пятницын был администратором. В театральном мире он был известен. Его побаивались, ему льстили.

— Ну, что такое певец,—говорили ему подобострастно.— «Куда, куда вы удалились...» — это все дешево стоит. Ну кто из них может достать в данный момент полвагона листового железа? Смешно даже! «Куда, куда вы удалились...» — это что...

— Ну, зачем вы так говорите,—скромно улыбался Семен Петрович.—В каждом человеке заложено много хорошего. Надо только уметь вскрыть это в человеке. Может быть, и Задунайский достал бы железо.

Но не только уменьем доставать дефицитные предметы был знаменит в театральном мире Степан Петрович. Это было, так сказать, частью его величия. А знаменит он был совсем другим: вот уже много лет он был единственным в своем роде всеведующим и всезнающим человеком.

Как только приходил он в театр, так сразу в дверь его кабинета стучали нетерпеливые актеры.

— Степан Петрович, дело вот какое. Я в прошлом году поступил в театр в середине сезона. И мне была обещана роль Перчикова в пьесе «Здравствуй день», и вот я...

— Ничего, дорогой, нельзя сделать,—перебивал Пятницын.—Сниматься в кино можете, пожалуйста, но только во время отпуска. А так—ничего у нас не выйдет.

Актер, пораженный, отступал.

— Откуда вы знаете, что я хочу сниматься в кино?

— Ах, дорогой мой,—отвечал Пятницын,—я все знаю.

— Но я бы хотел в таком случае...

— Все знаю, не трудитесь,—опять перебивал его Пятницын.—Вы бы хотели в таком случае освободиться от роли Фердинанда? Ну, правильно?

— Да,—отвечал обалдело актер.

— Ну, вот, дорогой, видите, я все знаю. Ничего не выйдет. Фердинанда вам играть.

Вслед за актером вбегал младший администратор Пуговкин.

— Степан Петрович, Атрибутов отказывается категорически играть сегодня.

— Зачем вы кричите?—мягко говорил Пятницын.

— Ведь он же нам срывает спектакль, этот старик. Он категорически отказывается, и он прав. Он не обязан играть сегодня.

— Обручальное кольцо на стол кидал?—спрашивал спокойно Степан Петрович.

— Кидал,—лепетал Пуговкин.

— Говорил, что покойница жена умерла преждевременно из-за того, что не могла перенести тяжелой актерской жизни?

— Говорил.

— В окно глядел, не отрываясь, минуту?

— Глядел.

— Говорил, что Шекспира никто у нас по-настоящему не оценил?

— Нет, этого не говорил.

— Ну, тогда все в порядке. Он сегодня будет играть.

— Да он категорически заявил,—кричал Пуговкин.—Он даже заявление написал.

— Будет играть. Можете не волноваться. Если Атрибутов не говорил ничего о Шекспире, значит он будет играть, можете быть спокойны.

И вечером Атрибутов играл, а Пятницын самодовольно улыбался, и окружающие глядели на него с изумлением.

— Мне даже скучно,—говорил, скромно потупляясь, Пятницын.—То есть, до чего я все знаю—самому даже удивительно! Ну вот, дорогой Петр Семенович, вы же хотите попросить о том, чтобы в новой роли у вас было два костюма, а не один.

— Хочу,—отступал с испугом Петр Семенович.

— Ну вот, видите,—ласково говорил ему Пятницын,—вот так я и живу, сирота, вокруг вас. У каждого, можно сказать, новости ежедневные, а у меня все одно и то же. Уйду я из театра. Невозможно просто стало.

— Как же мы без вас?—тихо и почтительно говорил кто-нибудь из присутствующих.

— Пойду в актеры,—говорил Пятницын.—У меня, припомню, был лирический талант.

И тут выступал льстивый Горошкин, актер бездарный, но пользовавшийся поддержкой Пятницына.

— Да разве мы вас допустим, Степан Петрович,—говорил Горошкин тихо и проникновенно.—Да какой же может быть об этом разговор? Да лирическим талантом, если хотите знать, все обладают, а уж вашими дарованиями—никто кроме вас. Да разве это для вас дело—по сцене, так сказать, ходить? Да разве вы с вашим характером выдержите? Ведь вы акуратист, Степан Петрович: увидите на сцене какую-нибудь тряпочку там или бумажку и обязательно замечание сделаете, ведь не сдержитесь же!

— Нет, не сдержусь,—подтверждал Степан Петрович.— Я люблю, чтоб был порядок.

— Вот то я и говорю,—продолжал Горошкин.—А во время действия посторонних слов говорить нельзя. Конечно, вы только расстроитесь и будете губить лирический талант свой.

И все почтительно уговаривали Степана Петровича не бросать своего администраторского места. И был он велик и уважаем.

Но вот наступил день, когда величие Пятницына рухнуло. Это был самый обыкновенный день. Пятницын, как всегда, пришел в театр рано, как всегда, ласково сделал несколько замечаний и прошел в свой кабинет. Не успел он выпить стакан чаю, как явился молодой актер Орлов. Это был совсем молодой актер, недавно поступивший в театр. Степан Петрович с такими актерами говорил сухо.

— Вот что, Степан Петрович,—сказал Орлов.—Я в театре, как вам известно, недавно.

— Роль Каринкина?—перебил его Пятницын.—В пьесе «Это да» будет играть Ромашкин.

— Откуда вы знаете?—спросил с удивлением Орлов.

— Я все знаю,—начал было Пятницын.—Я, дорогой мой, тридцать пять лет на этом месте...

— Откуда вы знаете, что я именно на этом настаиваю? Действительно, это будет правильно. У меня роль не удалась, а у Ромашкина вышла, и я ходатайствую о передаче роли ему. Если бы вы видели, как он проводит сцену на аэродроме... Блестяще!

Пятницын вздрогнул, но привычное самообладание все же не изменило ему.

— Вы, наверно, ошибаетесь, товарищ Орлов,—сказал он тихо и ласково, так, как никогда не говорил с молодыми актерами.—Вы именно затем и пришли, чтобы отнять роль у Ромашкина.

— Нет, я не ошибаюсь,—сказал Орлов.

— Но ведь и я не ошибаюсь,—прошептал Пятницын.— Я тридцать пять лет в театре, я не могу ошибаться.

— Нет, вы ошибаетесь,—сказал сухо Орлов.

Пятницын на сухоньком своем лице попытался организовать какую-ни на есть приятную улыбку.

— Какая роль,—сказал он,—шуточка ли сказать, что это за роль! Три акта человек не снимает военную форму. А какое окружение! А какие слова! И такую роль отдать другому!

— Если другой лучше сыграет, то надо отдать,—сказал Орлов.—Потом я добьюсь и сам сыграю.—И хотел выйти из кабинета.

Пятницын умоляюще протянул к нему руки.

— Не губите меня,—сказал он.—Я тридцать пять лет в театре. Я никогда не ошибался.

Но Орлов ничего не ответил, вышел из кабинета, и Пятницын слышал, как он говорил за дверью товарищам:

— Ваш хваленый Степан Петрович, все он, видите ли, знает. Ничего он не знает. Вот вам пример.

И стал рассказывать о своем разговоре с Пятницыным.

Степан Петрович застонал и схватился за голову.

КОНСТАНТИН ФИНН

ЗАБОТЛИВЫЙ ХОЗЯИН

Рис. Ю. Ганфа

- Фюрер приказали прибавить этот сахар в гуталин.
- Разве сапоги от этого лучше блестят?
- Нет, но господин Бек обожают сладкое!

ПЯТЬ ДНЕЙ НА ВОДЕ

МОСКВА ЛЬ ЗА НАМИ?

Парусный швертбот «Карина». — Трупчевск или Трубчевск? — Первое приключение. — Вежливые часовые. — Ночевка в Химках.

18 июня 1937 года москвичи, проходившие по Арбату часов в 11 утра, могли заметить грузовую автомашину с прицепной платформой, на которой лежал не совсем обычный груз.

Профан назвал бы этот груз лодкой длиной не меньше шести метров, а шириной немногим больше метра. Но опытный яхтсмен, любитель благородного парусного спорта, сразу определил бы, что эта длинная и узкая, как хищная рыба, «лодка» — не что иное, как парусной швертбот «Карина». Ее восьмиметровая мачта, лежавшая тут же, на платформе, агрессивно выступала далеко за заднюю стенку машины, явно смущая постовых милиционеров.

Грузовик медленно продвигался шумными, веселыми московскими улицами, направляясь в Химки, к речному вокзалу, откуда «Карина» должна была стартовать в долгое и трудное плавание: Москва — озеро Селигер, через канал Москва—Волга, Московское море, и дальше Волгой до города Калинина и выше.

Команду «Карины» в день старта составляли: ее капитан Александр Михайлович Голубев — в миру композитор — и матросы: Надежда Александровна Норкина — московская художница, Георгий Николаевич Новосильцев — инженер-конструктор — и автор этого повествования.

В кабине шофера волчком вертелся наш доблестный юнга Павка Дудиков, племянник капитана, а в миру ученик шестого класса. Павка был бледен от счастья и жажды приключений. В предот'ездных хлопотах он забыл постричься, и лавкины волосы, уже успевшие выгореть на солнце, торчали в разные стороны, как перья у петуха, только что побывавшего в драке. Но в общем Павка был превосходный мальчик, знаменитый в семейных кругах тем, что безбожно путал произношения слов. Он говорил «рале» вместо «ларек», «хлордорнт» вместо «хлорродонт», «абардож», вместо «абордаж». Еще должен был поехать с нами пес Бек, чистокровный щенок немецкой овчарки, принадлежащей Голубеву, но в последний момент выяснилось, что этот прелестный пес еще слишком юн и мало воспитан для такого путешествия. Он, правда, умеет таскать из буфета сырые яйца, разбивая их затем ударом об пол, но, кроме этого чисто гастрономического фокуса, за душой у Бека на данном, как говорится, отрезке времени ничего не оказалось. Беку пришлось остаться дома.

Маршрут Москва — озеро Селигер был избран нами не сразу. Александр Михайлович Голубев, блестящий и единственный в команде швертбота знаток парусного дела, в свое время прошедший на

парусах из Москвы в Сочи (с переволокой на Дон у Калача) каких-нибудь два месяца назад, болел иным, грандиозным маршрутом: Москва — Одесса, по Оке, ее притокам и затем с переволокой на Десну — Днепр.

Маршрут был рассчитан на два месяца и таил, по словам увлекающегося Александра Михайловича, тьму заманчивых наслаждений. Нам предстояло пробираться абсолютно несудоходными речками по неисследованным лесным дебрям, надев сетки против комаров на головы, и местами тащить нашу милую, но довольно тяжеловесную «Карину»: а) на мускулистых руках, б) волоком на бревнах, в) на бичеве, по-бурлацки.

Красочные картины этого путешествия, нарисованные Александром Михайловичем, нам очень понравились, но вдруг мы узнали, что на нашем пути

находится некий город Трубчевск, и я запротестовал.

— Не лежит у меня душа к маршруту с городами, у которых такие зловещие названия.

— Он же через «б» пишется: Трубчевск, а не Трупчевск. Посмотрите на карту.

Однако на старой, порядком истертой карте никак нельзя было разобрать, через «б» или через «п» пишется таинственный город Трубчевск, и вопрос остался открытым. Ядовитое зерно сомнения запало в наши души.

Через месяц маршрут Москва — Одесса уступил место маршруту Москва — озеро Селигер, более короткому, но не менее увлекательному. «Карине» предстояло стать первым парусным судном, прошедшим канал Москва—Волга и Московское море.

Мы с Надеждой Александровной приехали в Химки на такси. Шофер вывел машину прямо на берег Химкинского водохранилища. «Карина» уже была спущена на воду, Александр Михайлович и Новосильцев священнодействовали, вооружая ее. Павка сидел на груде рюкзаков и

корзин с продовольствием, гордо покривая на мальчишек, сбжавшихся со всех сторон поглазеть на парусную яхту.

Перед нами расстилалась не то что необ'ятная, но во всяком случае весьма солидная водяная гладь Химкинского водохранилища. Величественное белое здание речного вокзала с высоким шпилем высилось справа от нас. На его строительной площадке еще кипела работа. По озеру пролетали, волоча за собой бурлящий, пенный шлейф, глиссеры и моторные лодки. Чайки с визгом кружились над водой и прибрежной осокой, и какие-то молодые люди в традиционных морских клешах, сидя на берегу, совсем по-черноморски поплевывали в воду! Полно, Москва ль, сухопутный город, была за нами?

— Интересно, — сказал Павка, — какие приключения приключатся с нами?

Ждать приключений пришлось недолго. Я был первым, открывшим нашу золотую приключенческую серию.

Был знойный день. Утомленный погрузкой и жарой, я захотел пить. Воды не было, а запастись нарзаном мы забыли. И вдруг я обнаружил среди вещей боржомную бутылку. Торжествуя, я показал ее Надежде Александровне — нашему завхозу, мгновенно вытащил пробку и сделал глоток прямо из горлышка. Рот мой наполнился чем-то густым, тягучим, маслянистым и необычайно противным на вкус и запах. От ужаса и отвращения я выплюнул не все: судорожный глоток отправил в желудок малую толику этой отвратительной жидкости.

— Надежда Александровна, — сказал я дрожащим голосом, — случилось нечто страшное.

Добрая женщина побледнела.

— Что с вами?

— Я выпил олифы.

Минуту спустя я уже шагал к речному вокзалу, не разбирая дороги, икая и содрогаясь. С берега до меня доносился могучий хохот команды «Карины».

Только через час я пришел в себя и присоединился к кариновцам, уже кончавшим погрузку.

Мы уложили, наконец, об'емистые корзинки и рюкзаки в отсеки «Карины» и, подивившись вместительности нашей художавой красавицы, подняли паруса и отошли от берега.

Отвал был назначен на утро 19 июня. Поэтому мы, испробовав «Карину» на воде (она вела себя отлично, показав изумительную легкость хода), отвели ее к пристани глиссеров Наркомвода на ночевку.

Глиссеры стояли в удобной тенистой

ТРИ БОГАТЫРЯ

Дружеский шарж Ф. Решетникова на героев Советского союза О. Ю. Шмидта, М. В. Водопьянова и И. Д. Папанина

бухте. Моторы их были укрыты чехлами. Часовой с наганом на бедре, охраняя эти порождения воды и воздуха, шагал по берегу туда и сюда. Он оказался молодым, очень милым и необычайно вежливым парнем. Проверив наши документы, он разрешил «Карине» ночевку. Босоногих мальчишек, занявших наблюдательные посты на берегу в пределах запретной зоны, вежливый часовой прогнал изысканными, прямо дипломатическими выражениями.

— Пацан, вы, часом, не оглохли? Я же просил вас удалиться.

Ночевать на «Карине» были оставлены приказом капитана Новосильцев, я и Павка. Мы распили бутылку красного вина и улеглись все втроем на дне нашего швертбота. Снова подивившись его вместительности и собственной неприхотливости, мы уснули, как убитые, под гудки автобусов, пробегавших по Ленинградскому шоссе. Москва, пылавшая тысячами огней здесь же, под боком, казалась нам далекой и недоступной, как Северный полюс, над которым как раз в это время, победно ревя великолепным микулинским мотором, пронеслся самолет Чкалова. Он вылетел в Америку в тот же день, 18 июня, на рассвете.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

АПЛОДИСМЕНТЫ

— Вот еще вопрос относительно аплодисментов, — сказала председатель завкома, обводя мутными глазами общее собрание. — Я вам прямо скажу: аплодисментами у нас стали злоупотреблять. Кому у нас аплодируют? Надо сказать прямо, подчас аплодируют пустым и болтливым ораторам... Председатель не договорил, потому что в зале в это время зааплодировали.

В. МАЛЫГИН

ВДОЛЬ ДА ПО ВОЛГЕ, ВДОЛЬ ПО КАНАЛУ

Милый мой живет в Казани,
А я на Москве-реке.
Не любовь, а наказание —
Друг от друга вдалеке.
Изошла б слезой горючей,
Потеряла бы покой,
Если б вдруг не вышел случай,
Непредвиденный такой:
По Москве-реке каталась,
Нажимала в два весла,
Об Ванюше размечталась —
До Казани доплыла.
Поморгала я глазами

С удивленьем на лице.
Вижу: миленький в Казани
Ручкой машет на крыльце.
Нас тоска не доканала,
Доканали мы тоску.
Вдоль по Волге, по каналу
Ходит милый мой в Москву.
Нам любовь — теперь не горе:
Солнце скростся едва,
Мы встречаемся у моря,
Возле шлюза номер два.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

„КАПИТАН, КАПИТАН, ПОДТЯНИТЕСЬ!“

Начнем с документа:

«Управление РК милиции
Одесского облуправления НКВД

Директору племхоза «Червоний велетень»,

платформа 296, Южной железной дороги, Харьковской области.

Возвращаю Вашу переписку за № 81 о розыске уклоняющегося от уплаты алиментов Албула Андрея Семеновича без исполнения, так как Вами не указан адрес совхоза.

Приложение: упомянутое.

Начальник отдела угрозыска
УРКМ УНКВД капитан милиции КОРНУТЕНКО
Начальник IV отделения ОУР
младший лейтенант милиции БЕРЗИН».

Заметим тут, что название совхоза было сообщено почтенным работникам угрозыска. И совхоз этот находится именно в Одесской области.

Так вот, прочитав эту бумагу, мы стали воображать себе, как должны вести свою основную работу капитан милиции Корнутенко и младший лейтенант милиции Берзин. Ходит, допустим, по квартире, где случилась кража, капитан Корнутенко и говорит:

— Все улики налицо... Если бы мне теперь узнать адрес вора, тогда, пожалуй, и бы нашел его очень быстро.

А лейтенант милиции Берзин, должно быть, подкакивает своему начальнику:

— Да, уж адрес в нашем деле — первое дело. Без адреса мы, как без рук...

Как поется в известной песенке:

«Капитан, капитан, подтянитесь!»

И лейтенант — тоже.

КАШТАНЫ

Ночью первая гроза прошумела. Грохотало над крышей, дождь по стеклам хлестал.

Проснулся я часу в десятом. Толкнул окно. Что такое — каштаны расцвели! Да как. Прямо в самую комнату тянутся розовые свечи.

Мне на смену, в депо, к двенадцати дня. Оделся, чайку согрел, то-се, вышел на улицу. Экий день замечательный!

Ехать мне изрядный конец. Подхожу к остановке, вот он и трамвай. Пассажиров, как водится, тьма. Кое-как втиснулся, поехали.

И сразу — в ругань. Среди этакой давки да толчеи народ озлобляется быстро.

Слово за слово:

— Я вам не этажерка!

— В трамвае не нравится — надо машиной ездить.

— Уберите руку!

— Подумаешь, Киприда!

— Ну и дурак!

— От чорта слышу!

Особенно один пассажир разоряется, рыженький такой, жидкоусый, с пакетом моченых яблок. Кто его знает, где он раздобыл эти яблоки в мае! Сидит у передней площадки, чавкает, и все с народом пререкается, все пререкается — это ему не так, то не этак. Хамоватый человек, ничем не довольный, одна желчь.

А тут женщина стоит, держится за дверную ручку. Сама невысокая, в широком сером пальто. Мне сбоку лица не разглядеть; вижу только синюю шапочку и над ухом пушистый флок.

Рис. Л. Генча

— Ну, теперь утопающие обеспечены помощью: никто больше не украдет круга!

Кондукторша к ней подошла, дает билет. Что-то они шепнули друг дружке. И тотчас кондукторша обращается к рыжему:

— Будьте так любезны, уступите гражданке место!

— Чего это ради? Я, может, в очереди на телеграфе три часа выстоял.

— Уступите, вам говорят, женщина в тяжелом положении.

— Мне и самому не легко...

Тут одновременно вскочили двое военных и старик-профессор, усадили женщину, а вся публика, что меж собой ругалась, теперь уже на рыжего насела возмущенно.

Тот, хоть бы что.

Гражданка в сером пальто снова повернулась к кондукторше, и тут я увидел ее лицо. Лицо, нужно сказать, красивое, но только бледное страшно. Глаза тревожные, губы стиснуты, а на висках капельки пота дрожат.

И вдруг рванулась кверху кондукторша, — дзынь, дзынь: трамвай, как вкопанный.

— Товарищи, прошу всех немедленно из вагона, по... непредвиденным обстоятельствам...

Кто раньше сообразил, кто позже, но только в минуту все уже на мостовой были. Рабфаковец один, правда, чуть замешкался, сбрасывал новенький плащ, отдавал...

А в трамвае, кроме кондукторши, осталась при роженице какая-то женщина, и еще старичка-профессора удержали. Тот бородою тряс, извинялся:

— Я совершенно математик.

— Не важно, присутствуйте.

Военный со шпалами в петлицах что есть духу кинулся телефоны искать — кругом, как на зло, пустыри, парки.

А я выбежал на шоссе: дай, буду хоть легковую машину ловить. Глядь, и рыжий уже тут. Стоит, палкой машет встречным грузовикам. И, представьте себе, лицо у него совсем другое стало — сплошная озабоченность.

— Вот, — говорит, — какое событие, прямо не могу!

Попробуй, раскуси человеческую психологию. Все пассажиры только что ругались почем зря, спешили, а тут и не уходит никто. Один где-то ведро воды раздобыл, другой в окно советы кричит. Обступили вагон непролазным кольцом.

Пяти минут не прошло, выходит на площадку математик отдувается, сияет, шляпу снял.

— Все кончено, — говорит. — Ну и экземпляр, фунтов на двенадцать!..

Но тут не дала ему договорить кондукторша. Она высунулась в окно до пояса:

— Дорогие товарищи! Совершился великий факт. Мы имеем отличного гражданина советской республики. Хлопчик! Шестью восемь сорок восемь! Мамаша тоже чувствует себя хорошо. С чем вас и поздравляю!

Тут уже прямо не скажу, что было. Народ закричал, шапки полетели кверху.

Кто вопит:

— Это хороший знак! Быть ему электрификатором! Контролером! Профессором!

А кто поет не знай что.

Подлетела санитарная машина. И, может, только десяток рук достиг такого счастья, чтобы мать с ребенком в карету нести, а тянулись все. И среди этих счастливых был рыжий. Яблоки свои давно он порастерял. Осталось одно — крупная янтарная антоновка. Сунул он ее роженице в руку.

Захлопнулись дверцы. Машина исчезла за углом.

Тогда неспеша стали мы грузиться. И во всем вагоне не имелось ни одного злого лица, хотя теснота была страшная: людей прибавилось вдвое.

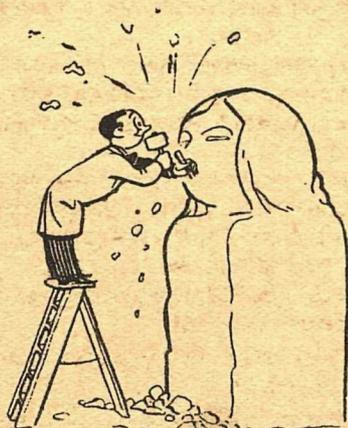
Трамвай снова двинулся к месту своего назначения.

И все как-то вдруг почувствовали, увидели, что на дворе весна и что кругом торжественно цветут скромные, розовые каштаны.

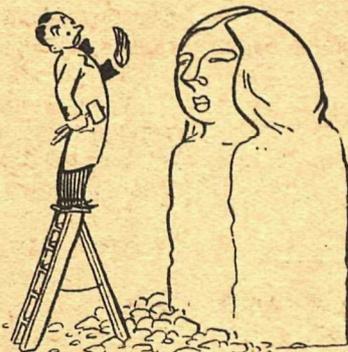
ВАДИМ ОХРОМЕНКО

МУКИ ТВОРЧЕСТВА, или ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА

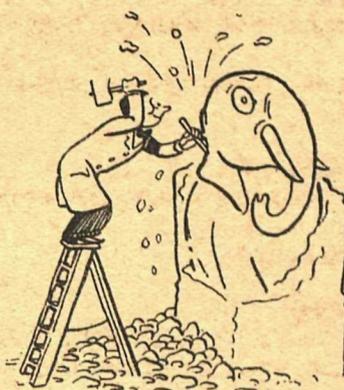
Рис. худ. Фитца, Панч

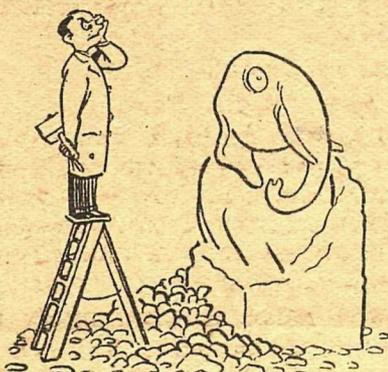
—Итак, начинаем...

...— Получился какой-то надгробный памятник...

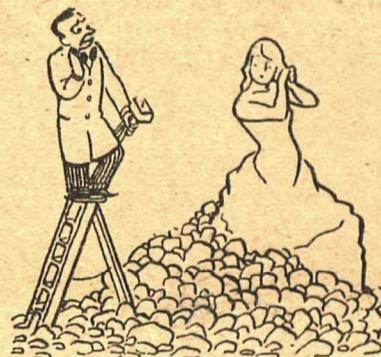
...— Пожалуй, лучше уже будет высечь фигуру слоненка...

...—Прямо беда! Какой же это слоненок?! Это, в лучшем случае, окривевший пожилой мамонт...

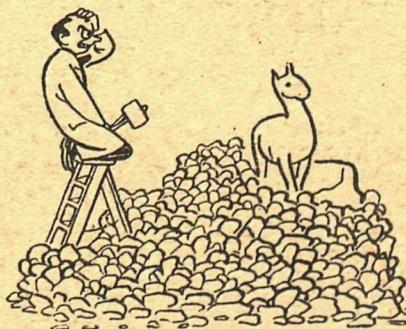
...—К чертям мамонт! Поражу всех высокохудожественной „Молитвой дева“...

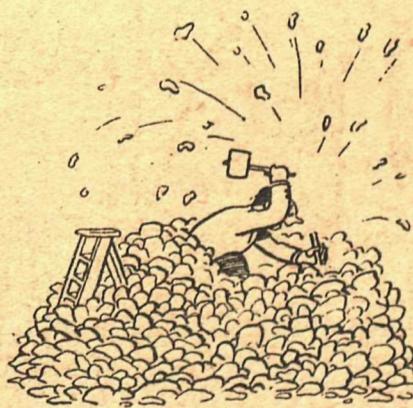
...—Н-да... Неважная получилась дева...

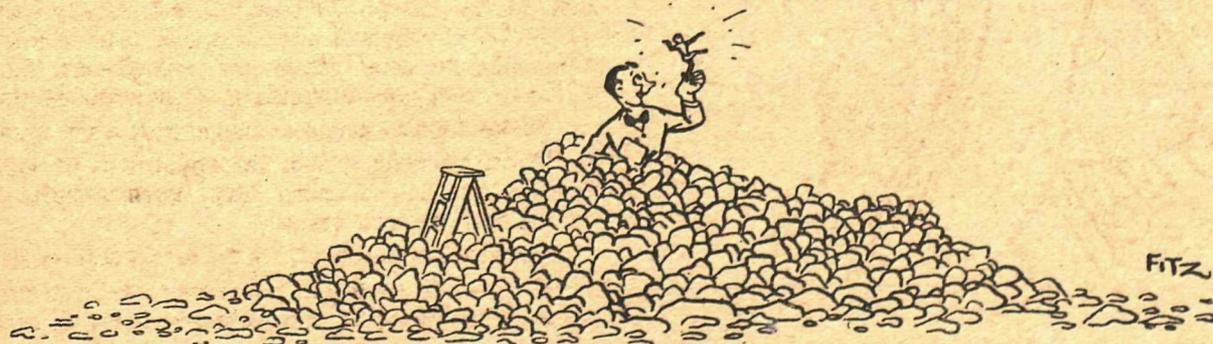
...—Разве переделать деву на трепетную лань?...

...—Час от часу не легче. Получилась не лань, а какая-то дикая помесь овцы с собакой...

...—Но нет, я не сдамся... я буду творить с еще большей энергией...

...—Уф, наконец-то!

FITZ

Рис. Л. Генча

— Вы мальчишка! — сказал брюнет и сплюнул при этом сквозь зубы.

Исак вспыхнул и покраснел. Он глубоко уважал бывшего ковбоя Макса, который называл себя «шикарным брюнетом». Макс любил патетику восклицательных знаков, и ему многое прощалось. Но сегодня он хватил через край. Что значит «вы мальчишка»? За что? За то только, что Исак не пошел бы один на тигра.

Обидное слово сказал Макс.

Исак повернулся к нему спиной, уткнув голову в книгу.

«...Из густой зелени дремучего леса бесшумной походкой вышел огромный тигр — гроза зверей. Злой хищник чувствовал запах людей и предвкушал добычу.

Бедная златокудрая Элен! Она не подозревала опасности. Женщина-следопыт час назад заметила тигровые следы. Она смело пошла по ним, держа наготове свой верный винчестер. В эти минуты Элен была прекрасна; пестрый шолковый платок обвивал загорелую шею, голубые, как фиалки, глаза оттеняли румяные щеки, тонкую талию перетягивал пояс с патронами, за которыми торчал острый охотничий нож.

Бедное дитя, она думала, что идет по следам тигра, но тигр наступил на ее...»

Нет, Исак не мог читать дальше. Он захлопнул книгу, закрыл глаза и постарался представить себе прекрасную Элен — предел своих мечтаний.

Дверь распахнулась, и в комнату вместе с морозным паром вошла фигура в тулупе и валенках.

Исак глубоко вздохнул. Прекрасный мираж сменила жалкая действительность.

— Дитка, — сказал он, — ну чего ты не изменишь хотя бы имя? И потом эти валенки, сапоги, тулуп. Ты хорошая колхозница, твой портрет висит на станции Биробиджан, но пассажиры смеются с этого мохнатого платка и тулупа.

— Девушка должна быть как мечта, — подтвердил Макс. — Ее внешность...

— Брось трепаться, Макс. Исаку не нравится мое имя Дита, а зовут меня Юдифь. Тебе не нравится моя внешность, а мне не нравится твоя книжка — в ней мало трудней.

Дитка и Макс ушли, споря, как обычно.

Юдифь была «старухой». Ее так в шутку называли еврейские колхозники из «Дер ройте штерн». Появившись одной из первых в необжитых еще, суровых краях, молодая колхозница обучила простейшим сельскохозяйственным наукам десятки новых переселенцев. Исак и Макс, наднях только приехавшие из Америки, были ее последними учениками.

— Я себя уважать буду, я себя на «вы» назову, когда убью тут первого тигра! — это была любимая фраза Макса, бывшего в Америке, как он уверял, ковбоем.

Но Макс не верил никто кроме, пожалуй, одного Исака. Ковбойские штаны

— А этот лев удивительно напоминает британского. Какой-то нахал наступил ему на лапу, а он даже не огрызается!

— Макс убил тигра!

Исак забежал на минутку в дом, причесался, завязал галстук и, надев новый тулуп, вышел к толпе. Сани были уже тут, возле дома. Колхозники подхватили на руки Макса, у которого под тулупом виднелось голое тело. Очевидно, тигр изорвал рубашку Макса. Колхозники два раза высоко подбросили его наверх, как будто пробуя, сколько в нем веса. Отбиваясь от людей, отмахиваясь и смущаясь, Макс зашел в дом.

Убитый тигр лежал в снях, как ковер. Дитка сбросила попону и поднялась. Она была перевязана ковбойской клетчатой рубашкой Макса. Только теперь Исак увидел, как бледна Дитка. Он подал ей руку. Колхозники молча стояли по сторонам.

— Ты? — спросил Исак.

— Я! Но Макс потом пришел в себя и хорошо сделал мне перевязку. В другой раз он не будет много трепаться и меньше будет трусить.

Исак вошел в дом. Макс переодевался. Исак впервые увидел его не в ковбойке, а в простой защитного цвета гимнастерке и валенках.

— Я думал, ты шикарный брюнет, — сказал Исак. — А ты трус.

с бахромой, шпоры звездочками, широкополая шляпа с дырочками и апломб истинного охотника — все это покоряло Исака. А в районе, где был расположен колхоз «Дер ройте штерн», водились тигры. Их били в прошлом году у реки Бирь, у Тихонькой и даже, говорят, в нескольких километрах от станции Биробиджан.

Да, неожиданные концы бывают не только в рассказах, но и в жизни. Исак проснулся утром, когда Макс и Юдифь должны были вернуться уже из ночной поездки на мельницу. Под окном шумел народ. Сквозь окна, закрытые по-зимнему, можно было разобрать имя Макса, Юдифи и частое упоминание тигра.

Исак выскочил на улицу, кое-как набросив на плечи тулуп. Колхозники стояли толпой, теребя со всех сторон старика-сторожа. Это он на рассвете услышал в конторе телефонный звонок и говорил с лесником, а теперь в десятый раз пересказывал этот короткий разговор. Лесничий видел на тропке сани и Макса верхом на пристяжной. Вместо мешков с мукой в снях лежали убитый тигр и рядом Юдифь, накрытая большой попоной.

— Макс убил тигра! — эта весть с быстротой циклона разнеслась по всему колхозу.

МАРК ЕФЕТОВ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

БЕЗ ОТРЫВА ОТ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Баня на станции Коноша (Северной области) ничем не отличается от подобных же учреждений во многих других городах и поселках. Журчит вода, пар совершает положенный ему путь от шайки до потолка. Смачно стонут, кряхтят, повизгивают моющиеся граждане. Скрипит дверь на блоке, впуская жаждущих омоения. Но чу! Что это?

В горячее отделение входит товарищ в сапогах и пальто, с брезентовым портфелем подмышкой. Входит, привычно озирается, сквозь пар стараясь увидеть кого-то.

— Александр Иванович, вы здесь, ай нет? — говорит вошедший.

Стоны на дальней скамье прекращаются ровно настолько, сколько нужно для того, чтобы взвизгнуть:

— Ну, здесь я, здесь! Неси сюда!

Гражданин в пальто подходит к голому человеку, раскрывает портфель:

— Полосы принес, Александр Иванович. Может, отредактируете?

Голый человек берет газетные полосы (страницы), кладет их на мокрую скамью. В правой руке у него появился карандаш, и немедленно начинается редакторская правка, в то время как левая рука, вооруженная венчиком, продолжает чисто банное похлопывание по спине.

— Ну, бери полосы, нето совсем размокнут, — говорит редактор.

Взопревшие полосы вновь умяты в портфель. А на другой день, подсчитывая опечатки и искажения в газете «Сталинский ударник», секретарь редакции удовлетворенно говорит:

— Для бани очень недурно отредактировано... Пар все-таки: многого не увидишь.

— Сегодня-то куда будем полосы посылать? Домой или в гости? Или, может, на охоту?

— К вечеру видно будет! — уклончиво отвечает секретарь. — Где товарищ Третьяков будет, туда и пошлем... Знаете ведь: товарищ Третьяков работает без отрыва от личной жизни.

ФОКУС НЕ УДАЛСИ

Изречение «рука руку моет» не принадлежит к числу актуальных лозунгов современности. Обычно этот принцип осуществляется келейно и наказуется разными статьями разных кодексов. Но вот дирекция Лубенской деревообделочной фабрики решила, что стесняться особенно нечего. У меня рука, у тебя рука, давай друг друга мыть. Так это примерно и изложено в официальном отношении фабрики от 29 июня текущего года.

Лубенская
деревообделочная фабрика
«КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»
29/VI—1937 г.
№ 20111.

СОЮЗУГЛЕЭКСПОРТ,
г. Мариуполь — порт.

В ответ на В/письмо от 26/VI—с/г., № 220/08 сообщаем, что заказов на мебель мы не принимаем.

Сообщите возможно ли получить у вас 30 вагонов угля марки АРЩ, коксик и в том числе 5 ваг. АП и АК. Если это возможно, то мы через своих фондовых покупателей отпустим Вам театральные кресла, стулья и шахматные столы.

Директор Ф-ки (МАРКИН).

Зав. отд. снабж. и сбыта (ЯКУБА).

Руководители Союзуглеэкспорта не оценили великолепного предложения тт. Маркина и Якубы и переслали отношение за № 20111 нам. И, таким образом, стройная схема, разработанная по принципу «ты мне — я тебе», рухнула, о чем с прискорбием доводим до сведения наших читателей и Комиссии советского контроля.

И ВСЕ?

В один, далеко не прекрасный день председателю Шарьинского райисполкома А. В. Кожуватому срочно потребовалась пара белья, за каковой он и послал свою работницу в местный универмаг. Судьбе, а также правлению Трансторгпита угодно было, чтобы как раз в данную минуту в магазине в предложении оказались только рубашки. Что же касается другой интимной части туалета, составляющей вместе с рубашкой пару белья, то таковой в магазине не оказалось.

Узнав об этом прискорбном факте, А. В. Кожуватый переполнился великим гневом и, не говоря худого слова, предложил Трансторгпиту немедленно снять с работы продавца А. Н. Теплякова. Трансторг заупрямился. Тогда Кожуватый экстренно собрал специальное заседание президиума райисполкома, которое дружно постановило «снять с работы Теплякова и привлечь его к уголовной ответственности за грубое извращение советской торговли».

Протесты активисток — жен комсостава и стахановцев транспорта, постоянно дежуривших по очереди в магазине Трансторга и характеризовавших работу Теплякова с самой лучшей стороны, не помогли. Что касается начальника политотдела Шарьинского отделения Северной железной дороги Кубарева, то тот решил не ссориться с президиумом райисполкома и на заявление активисток наложил резолюцию: «Решение исполкома надо выполнить».

Рис. Ю. Ганфа

— Говорят, это самый подробный путеводитель по Мадриду!

— Кой чорт — подробный! В нем нет самого главного — как пройти в Мадрид.

Больше месяца ходил Тепляков без работы, пока в газете «Северный путь» не появилась корреспонденция «Как расправились с продавцом Тепляковым». Тогда секретарь Шарьинского райкома Овсянников собрал заседание бюро райкома. Бюро райкома постановило считать неправильным решение президиума рика и отметило, что «разбор этого дела явился серьезным сигналом о больших недостатках и извращениях в работе...»

В работе президиума райисполкома и его председателя? Ничего подобного. Оказывается, что помпадурский поступок Кожуватого и издевательское постановление президиума рика явились «серьезным сигналом о больших недостатках и извращениях в работе торговых организаций».

Так бюро Шарьинского райкома ВКП(б) купно со своим секретарем Овсянниковым не усмотрело никаких серьезных сигналов в деяниях руководства Шарьинского райисполкома. Слабовато разбираются в сигналах члены бюро Шарьинского райкома партии.

ПРИ ЧЕМ ТУТ ДЕТИ?

Строгость в административных делах — дело неплохое. Но во благо времени. Еще глуповский градоначальник в свое время не без блеска разъяснил, что «просвещение надлежит внедрять, по возможности избегая кровопролития». Каждому ясно, что при внедрении просвещения дети страдают ни в коем случае не должны. Несколько иной точки зрения придерживается президиум Калининского облисполкома, опубликовавший в областной газете «Пролетарская правда» в № 163 свое дышащее гражданской скорбью постановление от 17 июня.

В виду исключительно неудовлетворительного хода сельского школьного строительства в районах: Емельяновском, Спировском, Высокоском, Плоскошском, предупредить председателей этих райисполкомов о том, что если в течение ближайших десяти дней темпы школьного строительства не будут обеспечивать окончание работ в установленный срок, все ассигнованные средства будут сняты и школы по вине райисполкомов в 1937 году не будут построены. Зам. председателя калининского облисполкома ПИТКОВСКИЙ.

Секретарь калининского облисполкома ГУСИХИН.

Оригинальный способ наказания, при котором пострадают не чиновники из райисполкома, а ни в чем неповинные дети! Странные представления о методах руководства школьным строительством царят в Калининском облисполкоме.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Посылаем тебе в прилагаемом пакете два сломанных зуба и пряник. Нас трое пострадавших. Один сломал эти самые два зуба об этот самый пряник. Другой слегка вывихнул себе челюсть. Третий, более осторожный, попытался разбить «кондитерское изделие» молотком, но ручка молотка переломилась надвое.

Дошла ли наша посылка? Если дошла, очень просим: распилите там как-нибудь этот пряник пополам и пошлите одну половинку директору Курского кондитерского треста, который выпускает такую замечательную «продукцию», а другую—заведующему Курским облвнутриком Медилу, чтобы он знал, какой продукцией у нас торгуют.

Сотрудники черемисиновской районной газеты, Курской области, Б. НОЗДРИН, П. КОВАЛЕВ и И. ЧЕРНОВ

Дорогой Крокодил!

Вот три картинки с натуры, которые вряд ли нуждаются в комментариях.

Рудник имени Карла Либкнехта в Криворожье. Вокруг спортивной площадки возле клуба сотни зрителей. Начинается футбольный матч между хозяевами поля и командой рудника имени Артема. Внезапно на середину площадки, где уже стоят обе команды и судья, приготовившийся дать сигнал о начале игры, важно выходят три фигуры: секретарь рудничного комитета комсомола Чертков, культпроп парткома Николаенко и председатель рудсовета Климовский.

— Отставить! — объявляют они.— В 8 часов вечера в клубе состоится слет ударников. Никаких футболов!

— Позвольте, — протестует судья, — но сегодняшний матч проходит по расписанию, которое утверждено Криворожским горсоветом и советом физкультуры.

— Не возражать! — кричит срывающимся, петушиным голосом секретарь комсомольского комитета.— Я здесь хозяин! Будете играть—арестую!

Футбольное поле медленно пустеет...

Картинка вторая. То же поле. Зрители. Предстоит ин-

тересный матч. За минуту до начала игры появляется некто в сером.

— Внимание, граждане! — зычно возглашает он.— Распоряжение рудкома! По случаю происхождения в клубе физкультурной конференции игра запрещается!

Картинка третья и последняя. Тот самый роковой клуб. Заседает та самая физкультурная конференция. В окна видны понурые фигуры футболистов и зрителей, уходящих с футбольного поля.

— Итак, товарищи, — с жаром говорит очередной оратор, — я продолжаю, товарищи, мою основную мысль. Мало еще на сегодняшний день играют у нас в волейбол, баскетбол, футбол и прочие такие полезные болы. Больше надо играть! Чаше надо играть! Я кончил!

Члены рудкома, восседающие в президиуме, рукоплещут и одобрительно кивают головами...

К. САДОВСКИЙ, П. МАЛОЛЕТКО, В. ИВАНОВ, В. ХАРИТОНОВ, Н. ОНОПРИЕНКО

Криворожье

Дорогой Крокодил!

Необычайная и анекдотическая история произошла в Ростове на Дону. В июле 1935 года, когда умер старший помощник краевого прокурора И. Т. Сидоров, прокуратура сделала заказ Ростовскому похоронному тресту изготовить для могилы Сидорова гранитный памятник. Прошло два года, и вот, наконец, похоронный трест прислал любезное извещение:

«Тов. И. Т. Сидорову. Крайпрокуратура. Ввиду окончания вашего заказа № 7 на памятник гранит., трест просит вас в трехдневный срок произвести расчет в кассе треста. Управляющий (подпись). Старший бухгалтер (подпись)».

Вот уж, действительно, весельчаки из похоронного треста: копать два года с изготовлением скромной могильной плиты да еще прислать счет на имя самого покойника!

Помкрайпрокурора А. КОНОВАЛОВ

Ростов на Дону

Дорогой Крокодил!

Граждане, приезжающие в город Грозный, постоянно обижают начальника 1-го отделения милиции тов. Плетнева.

— Ну, так и есть, — возмущается каждый раз Плетнев.— Заявление о прописке. И опять не по форме написано... Послушайте, уважаемый, закройте за собой дверь с той стороны, — там, на двери, висит образец, как надо писать тому подобные заявления.

Сконфуженный приезжий выходит в коридор и с благоговением изучает вышеупомянутый нерушимый образец. Нерушимый гласит буквально следующее:

«...Прошу прописать меня в городе Грозном, так как я приехал из г..... В просьбе моей прошу не отказать...»

Так вон оно что! Ну, это еще очень скромно. Приезжий даже немного удивлен, как это обидчивый начальник не додумался до еще более изящной и почтительной формулы: «Чувствительно и покорнейше осмеливаюсь просить...»

Г. РУТМАН

город Грозный

Дорогой Крокодил!

В «Большой советской энциклопедии» слово «броня» объясняется следующим образом: «Броневые плиты применяются как средство защиты на военных судах, крепостных сооружениях, для танков, автомобилей, бронепоездов и т. д... Они изготовляются из различных сортов стали, преимущественно хромо-никелевой...»

Предлагаю дополнить это определение:

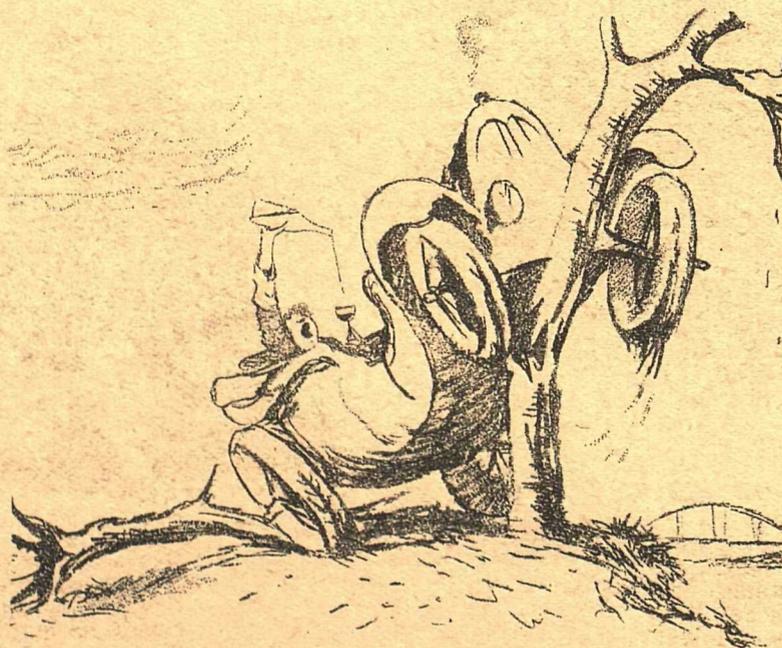
«В Мезенском порту броня применяется как средство защиты старого пресловутого блага. Формула состава и действия брони в этом случае произносится так:

— Гражданин, отойдите от кассы! Двадцать раз вам говорили, что все билеты 1-го класса на этот пароход забронированы еще четыре дня назад!»

Учитель средней школы с. Лещуконское, Северной области, АЖГИБКОВ

В ВЫХОДНОЙ ЗА ГОРОДОМ

Рис. Л. Сойфертиса

— Ну и капризная же машина! От какого-нибудь лишнего литра и уже кувывается.

РЕЧНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Рис. В. Горяева

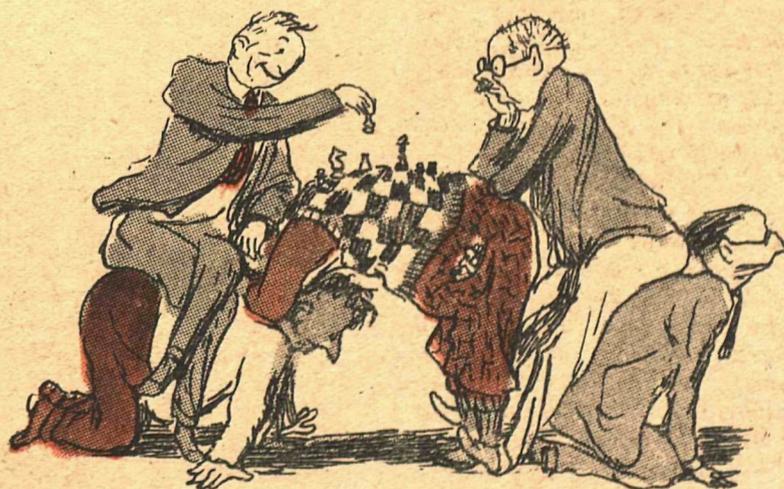
Начальник пристани Петров
Билет охотно дать готов.
„Но,—объясняет он по-русски,—
Сперва прошу помочь погрузке!“
Не может быть! Неправда! Где?
На Каме. В Рыбной слободе!

Кто врет, что развлечений нет?
Взгляните: вот вам джаз-квintет.
Давно уж истина гласила,
Что самодеятельность—сила!

Плывя по Оби, часто вы
Присесть хотите, но,—увы!—
Скамья на обских пароходах,
Как бы сказать ясней... не в моде.
Однако недостаток сей
Сплотит попутчиков тесней!

Пусть нет ни стульев, ни доски,
Но шахматисты—мастак.
И мудро занялись разбором
Одной из партий Кана с Флором.

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. в 1 до 7 час. Подлиная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 696

Сдача текста и рисунков 27/VII—37 г.

Подп. к печати 3/VIII—37 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б-25258. Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1515. Тираж 275 000 экз.

45
 ОБЪЕЗД. АУДИТОРИИ
 9 - АВГ 1937
 Черемных
 ЧЕНЫ

11 АВГ 1937

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРОСОЮЗА И. А. ЗЕЛЕНСКИЙ: — Исидор Евстигнеевич, к нам урожай пожаловал!..

НАРКОМ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И. Е. ЛЮБИМОВ: — Фу ты, какая неожиданность! Исаак Абрамович, займите пока, пожалуйста, дорогого гостя разговорами, а я сбегаю похлопочу по хозяйству. И заодно сообщу своим сотрудникам: